

Представляя номер

Очередной номер журнала «*Контуры глобальных трансформаций*» посвящен партийно-политическим системам современного мира. Если в Европе и США парламентские партии постепенно стали преобладающей формой организации публичного поля, создавая институциональное обрамление дисперсного гражданского общества, то за пределами Запада парламентаризм играет иную роль. Институты гражданского общества там зачастую лишь маскируют взаимодействие традиционных социальных групп. Авторы сборника стремились рассмотреть наиболее характерные примеры такого взаимодействия с максимально широким географическим охватом.

Тем не менее внимательный читатель легко обнаружит в этом номере существенный пробел. Речь идет об отсутствии специальной статьи, посвященной Коммунистической партии Китая. Это упущение было вызвано стремлением не повторять содержание прошлогоднего выпуска, специально посвященного Китаю и опубликованного в № 5 за 2017 г. под названием «*Первая пятилетка председателя Си*». Роль компартии в китайском обществе с учетом укрепляющегося единовластия действующего председателя КНР была тогда отдельно рассмотрена в статьях И.Ю. Зуенко и Е.Н. Румянцева.

Особое внимание отводится в сборнике историческому примеру России. Номер открывает статья А.Я. Лившина о Коммунистической Партии Советского Союза – во многом уникальной политической структуре, цементирующей общество и государство в СССР. Подобно тому как Советский Союз стал примером причудливого синтеза традиционной имперской формы и ее нового идеологического наполнения, создавшая новое государство коммунисти-

ческая партия также сохраняла в своем развитии многие подчас несовместимые тенденции. С конца 1920-х годов и фактически вплоть до краха СССР партия обладала монополией на осуществление контрольных функций в масштабе всего советского общества, хотя именно в этот исторический период произошло стремительное сворачивание внутрипартийной демократии.

Велика была роль КПСС и в контроле региональных элит. СССР, создававшийся на руинах Российской империи, появился на свет в результате множества компромиссных решений – в первую очередь в национальном вопросе. Возникшая в 1922 г. как результат этой политики иерархическая «федерация федераций» сохраняла устойчивость лишь до тех пор, пока партия, государство и федерация продолжали оставаться в состоянии относительного равновесия. При этом именно жесткая партийная дисциплина, сдерживавшая республиканские элиты, сообщала федерации такую прочность, что многие критики советской власти вообще считали федеративное устройство СССР фикцией. Утрата коммунистической партией в годы перестройки ведущей политической роли имела роковые последствия, поскольку без нее советский федерализм оказался нежизнеспособным.

Основная часть материалов данного сборника посвящена проблемам Европы. Статья Н.И. Платоновой и Г.Н. Митина затрагивает правовое регулирование финансирования политических партий на примере России и Испании. Обе страны сопоставляются авторами, принимая во внимание позднее начало в них так называемого «демократического транзита». В обоих случаях государство стремилось создать такую си-

стему финансирования партий, которая бы обеспечивала баланс между публичным и частным финансированием. Однако вместо строительства надежного барьера на пути распространения политической коррупции это решение вызвало стремительный дрейф России и Испании в сторону огосударствления парламентских партий.

Исследование Д.В. Шмелева посвящено политической биографии Ж.-Л. Меланшона и французскому левому популизму, тогда как статья Г.Н. Канинской описывает феномен французского правого популизма. А.О. Доманов сосредоточился на контент-анализе предвыборных программ евроскептических партий Франции.

Тема миграции в идеологических построениях и риторике праворадикальных партий Западной Европы, как показано в статье А.Э. Яшлавского, тесно соседствует с критикой Евросоюза. Скептики видят в нем наднациональное объединение, активно вмешивающееся во внутренние дела стран-членов и диктующее европейским государствам их политику по отношению к мигрантам. Несмотря на некоторые успехи западноевропейских праворадикальных сил, апеллирующих к озабоченности, которую испытывают граждане в связи с наплывом мигрантов, их возможность прийти в ближайшей перспективе к власти, по мнению автора, вызывает сомнения. Во всяком случае до тех пор, пока этим силам не удастся избавиться в глазах общественного мнения от негативного имиджа, ассоциируемого с нацизмом, расизмом и ксенофобией.

В этом случае характерен пример маленькой Австрии. А.С. Бадаева придерживается мнения, что искусственное формирование австрийской идентичности в послевоенный период и минимизация в Австрии процесса денацификации делают Австрийскую партию

свободы достаточно опасным игроком на политической сцене страны, а также вдохновляющим примером для соседних государств, где националистические и ультраправые партии активизируются на фоне миграционного кризиса в Европейском Союзе. Более того, на примере Австрийской партии свободы можно говорить о конце эры «больших партий» в Европе. Продолжительная история этой партии и этапы ее эволюции репрезентативны и поучительны при обращении к изучению ультраправых движений в Западной Европе. Еще с 1980-х годов в регионе началась эпоха популизма, который апеллировал к нуждам и требованиям широких народных масс и таким образом стал необходимой частью каждой предвыборной кампании.

Итак, в самом Старом Свете происходит размывание либерального консенсуса и вообще либерально-демократической политической модели. Как показывает Э.Г. Соловьев, в борьбе за так называемого медианного избирателя партии окончательно лишились определенной идеологической и социальной базы. В русле подобной тенденции четкое деление политических партий на правые и левые во все большей степени становилось данью политической традиции. В программных установках популистских партий нередко обнаруживается довольно сложная смесь правой, националистической, консервативной социокультурных составляющих и левых экономических подходов. В стремлении противостоять оттоку избирателей традиционные партии вынуждены перехватывать у оппонентов и интегрировать в свою политику некоторые существенные элементы их программ, а также хлесткие политические лозунги, радикализируя тем самым собственные позиции по ряду вопросов. Однако если европейские правые популисты не смогут диверсифицировать свой политиче-

ский арсенал и будут концентрироваться лишь на вопросах неэффективности правительств в решении проблем миграции, они так и останутся партиями отнесительного меньшинства.

Сравнение конкретных функций, которые партии выполняют внутри тех или иных обществ, позволяет сопоставить между собой и лучше понять действующие в них механизмы контроля публичного поля. Формы этого контроля могут быть разнообразны. Латинская Америка, положение в которой рассматривает Н.М. Яковлева, в целом отличается крайней политической нестабильностью. Автор придерживается мнения, что дисбалансы президентских систем, заложенные в нормативно-законодательной базе, способствуют консолидации персоналистских режимов разной идеологической окраски и открывают возможности для концентрации власти в руках главы государства. Широкие полномочия президентов и ослабление контрольных функций парламентов способствуют расцвету коррупции, принявшей в последние годы форму эпидемии и затронувшей высшие эшелоны власти практически всех стран.

По мнению А.Г. Володина, гражданское общество и его институты в западной части ойкумены первоначально развивались как часть политико-экономической системы отношений «метрополия – колония». Индия была ее наиболее передовым элементом. Тем не менее, несмотря на определенное заимствование британского опыта, режим парламентской демократии играет в Индии совершенно нехарактерную для Европы роль. В первую очередь он смягчает последствия эрозии традиционного кастового общества и микширует межнациональные противоречия внутри бывшей империи, поскольку независимая Индия создавалась путем превращения унитарной Британской Индии в федерацию.

Если говорить о Японии, то с точки зрения Д.В. Стрельцова политические партии в ней образовывались в рамках существующей властной вертикали и как инструмент эффективной нейтрализации оппозиции. В партийном строительстве наблюдался очевидный приоритет создания организационной оболочки над идеологическим содержанием. Партии, не находившиеся у власти и не имевшие шанса войти в правящую коалицию, строго говоря, политическими партиями вообще не являлись. Они оставались парламентскими организациями, не обязательно имевшими даже массовое членство. В середине 1950-х гг. все политические партии, за исключением коммунистов, видели основную цель своего существования не в реализации программных установок, а в предоставлении своим членам из числа действующих депутатов наиболее удобного для них способа получить депутатский мандат на очередных выборах. Сегодня в условиях деидеологизации политического пространства и усиления идейно-организационной аморфности политических партий в обществе существенно усилился запрос на популистское начало в политике. Премьер С. Абэ уловил запрос на лидера, который умеет говорить на понятном массам языке.

Не менее важен опыт Юго-Восточной Азии. Н.Г. Рогожина в статье о Таиланде затронула весьма актуальную тему имитации за пределами Запада внешней формы западных электральных процедур. Современная политическая история королевства представляет собой борьбу двух тенденций: авторитаризма и демократии. При этом партии стали не институтами парламентской демократии, но элитарными организациями, действующими в интересах социальных верхов.

В политических системах исламских государств также присутствуют элемен-

ты демократии и самоуправления, хотя и в формах, существенно отличающихся от западных. Законодательная ветвь власти в Иране, как следует из статьи Н.М. Мамедовой, децентрализована. Министры же являются не столько высокопоставленными администраторами, сколько политическими фигурами.

Политические режимы в странах Центральной Азии генетически восходят еще к советскому периоду, а потому их легитимность имеет в глазах противников в лучшем случае остаточный характер. Из статьи Д.Б. Малышевой можно сделать вывод, что бывшие советские республики региона ожидают непростое будущее.

Итак, различные политические структуры, именующиеся партиями, пронизывают ткань общественной жизни практически всех современных сообществ – от Западной Европы до экваториальной Африки и Юго-Восточной Азии. Казалось бы, в этом заимствовании незапад-

ными культурами несвойственного им политического лексикона можно разглядеть исторический триумф так называемого коллективного Запада. Однако наблюдаемая нами повсеместная унификация понятийного аппарата не должна вводить в заблуждение, потому что за единством внешней модернистской формы может скрываться самое неожиданное – зачастую патриархальное и архаическое – содержание. Несмотря на стремительное распространение глобализации, человечество упорно сопротивляется попыткам унификации его жизненных укладов по единому либерально-эгалитарному стандарту.

Председатель редакционного совета
журнала, доктор политических наук
ЯКУНИН В.И.

Главный редактор журнала,
член-корреспондент РАН
КУЗНЕЦОВ А.В.